ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ИМПОРТНЫХ ПОТОКОВ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА УСТОЙЧИВОСТЬ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ ИНФЛЯЦИИ К ВНЕШНЕТОРГОВЫМ ШОКАМ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Рустамова Малика Рустамовна
Преподаватель кафедры
«Международная экономика»
Университета Мировой Экономики и Дипломатии
E-mail: m.rustamova@uwed.uz
https://doi.org/10.5281/zenodo.23333004

Аннотация

В статье исследуется влияние структуры и географической направленности импорта на устойчивость потребительской инфляции к внешнеторговым шокам в Республике Узбекистан в период масштабных экономических реформ (2017–2024 гг.). В условиях реализации режима инфляционного таргетирования особую актуальность приобретает сдерживание немонетарных факторов инфляции, среди которых ключевую роль играет «импортируемая инфляция». Методологическую основу работы составили методы описательной статистики, структурно-динамического анализа и сравнительного кейс-анализа. На основе эмпирических данных выявлена высокая степень зависимости потребительского рынка РУз от ограниченного круга стран-партнеров, особенно в сегменте критического продовольственного импорта (зерновые культуры, растительные масла). Доказано, что геополитические и логистические сбои в странах-поставщиках транслируются во внутренний индекс потребительских цен через прямой и валютный каналы эффекта переноса (pass-through effect). Автором обоснована необходимость географической диверсификации импортных потоков и развития новых транспортных коридоров как эффективного немонетарного механизма обеспечения ценовой стабильности.

Ключевые слова: диверсификация импорта, потребительская инфляция, внешнеторговые шоки, эффект переноса, продовольственная безопасность, структура импорта, денежно-кредитная политика, Республика Узбекистан.

Abstract

The article examines the impact of the structure and geographical focus of imports on the resilience of consumer inflation to foreign trade shocks in the Republic of Uzbekistan during the period of large-scale economic reforms (2017–2024). Under the implementation of the inflation targeting regime, curbing non-monetary inflation factors, among which "imported inflation" plays a key role, becomes particularly relevant. Descriptive statistics, structural-dynamic analysis, and comparative case study methods formed the methodological basis of the work. Based on empirical data, a high degree of dependence of Uzbekistan's consumer market on a narrow circle of partner countries was revealed, especially in the critical food import segment (cereals, vegetable oils). It is proved that geopolitical and logistical disruptions in supplier countries are transmitted into the domestic consumer price index

through direct and exchange rate pass-through channels. The author substantiates the need for geographical diversification of import flows and the development of new transport corridors as an effective non-monetary mechanism for ensuring price stability.

Keywords: import diversification, consumer inflation, foreign trade shocks, pass-through effect, food security, import structure, monetary policy, Republic of Uzbekistan.

Annotatsiya

Maqolada keng ko‘lamli iqtisodiy islohotlar davrida (2017–2024 yillar) import tarkibi va geografik yo‘nalishining O‘zbekiston Respublikasida iste’mol inflyatsiyasining tashqi savdo shoklariga chidamliligiga ta’siri tadqiq etiladi. Inflyatsiyani targetlash rejimini amalga oshirish sharoitida inflyatsiyaning nomonetar omillarini, birinchi navbatda, "import qilingan inflyatsiya"ni jilovlash alohida dolzarblik kasb etadi. Tasviriy statistika, tarkibiy-dinamik tahlil va qiyosiy keys-tahlil usullari ishning metodologik asosini tashkil etdi. Emperik ma’lumotlar asosida O‘zbekiston iste’mol bozorining, ayniqsa, muhim oziq-ovqat importi segmentida (g‘alla ekinlari, o‘simlik yog‘lari) cheklangan hamkor mamlakatlarga yuqori darajada qaramligi aniqlandi. Yetkazib beruvchi mamlakatlardagi geopolitik va logistik uzilishlar valyuta kursi va narxlarning o‘tish effekti (pass-through effect) kanallari orqali ichki iste’mol narxlari indeksiga o‘tishi isbotlangan. Muallif tomonidan narxlar barqarorligini ta’minlashning samarali nomonetar mexanizmi sifatida import oqimlarini geografik diversifikatsiya qilish va yangi transport koridorlarini rivojlantirish zarurligi asoslab berilgan.

Kalit so‘zlar: importni diversifikatsiya qilish, iste’mol inflyatsiyasi, tashqi savdo shoklari, o‘tish effekti, oziq-ovqat xavfsizligi, import tarkibi, pul-kredit siyosati, O‘zbekiston Respublikasi.

Современный этап развития мировой экономики характеризуется повышенной турбулентностью, обусловленной геополитическими трансформациями, фрагментацией международной торговли, ростом протекционизма и нестабильностью логистических цепочек. В этих условиях для развивающихся экономик, проходящих этап активной structural-институциональной модернизации, проблема защиты внутренних рынков от экзогенных шоков становится определяющим фактором макроэкономической стабильности.

Республика Узбекистан с 2017 года реализует масштабный курс на либерализацию внешней торговли, снятие тарифных и нетарифных барьеров, а также интеграцию в мировую экономику. Открытие экономики привело к существенному росту объема внешнеторгового оборота и усложнению его структуры. Однако наряду с позитивными эффектами (насыщение рынка, доступ к инвестиционным товарам) возросла чувствительность внутреннего потребительского рынка Узбекистана к процессам на внешних рынках. В условиях, когда продовольственные товары формируют свыше 40% потребительской корзины населения РУз, импульсы от роста мировых цен и экспортных ограничений в странах-партнерах оперативно транслируются во внутреннюю инфляцию, формируя так называемую «импортируемую инфляцию».

В условиях открытой экономики внутренний уровень цен формируется под одновременным воздействием как внутренних макроэкономических факторов (денежная масса, потребительский спрос, налогово-бюджетная политика), так и

экзогенных импульсов, поступающих из внешнего сектора. Процесс трансляции изменений мировых цен, таможенных пошлин, логистических издержек и валютных курсов во внутренний индекс потребительских цен (ИПЦ) в экономической науке описывается через концепцию «эффекта переноса» (Pass-Through Effect). Степень и скорость воздействия внешнеторговых шоков на внутреннюю потребительскую инфляцию зависят от структуры импорта и каналов его трансляции. В современной макроэкономической теории выделяются три основных канала передачи внешних шоков:

1. **Прямой (первичный) канал.** Трансляция происходит путем прямого ввоза готовых потребительских товаров (продовольствие, медикаменты, одежда, бытовая техника). При росте отпускных цен в стране-экспортере или увеличении транспортно-логистических расходов импортеры вынуждены перекладывать возросшие издержки на конечного покупателя. В странах с высокой долей импортных товаров в потребительской корзине (к которым относится и Узбекистан, где продовольствие занимает свыше 40% корзины) прямой канал срабатывает практически мгновенно — lag трансляции составляет от 1 до 3 месяцев.

2. **Косвенный (промежуточный) канал.** Данный канал функционирует через ввоз промежуточных товаров, сырья, полуфабрикатов, энергоресурсов и оборудования, необходимых для отечественного производства. Рост цен на импортируемое сырье (например, кормовые добавки, упаковочные материалы, минеральные удобрения) увеличивает себестоимость производства у местных производителей. Это приводит к росту цен на товары отечественного производства, формируя вторичные инфляционные волны.

3. **Валютный канал (Exchange Rate Pass-Through).** Передача шока происходит через изменения обменного курса национальной валюты по отношению к валютам стран — основных торговых партнеров. При девальвации национальной валюты (или укреплении валюты страны-экспортера) стоимость импортируемых товаров в местной валюте возрастает даже при неизменности мировых цен в долларовом эквиваленте. Важно отметить, что в условиях двусторонней торговли влияние оказывает не только курс доллара США, но и кросс-курсы валют ключевых стран-поставщиков (в случае Узбекистана — российского рубля, казахского тенге и китайского юаня).

В современной практике центральных банков, включая Центральный банк Республики Узбекистан, основным инструментом борьбы с инфляцией выступает денежно-кредитная политика в рамках режима инфляционного таргетирования. Однако фундаментальным ограничением монетарного инструментария (изменение процентных ставок, операции на открытом рынке) является его асимметричная эффективность:

- Монетарные методы эффективно воздействуют на инфляцию спроса (Demand-Pull Inflation), охлаждая избыточное кредитование и стимулируя сбережения.
- Против шоков предложения (Supply-Side Shocks), имеющих внешнеторговое происхождение (неурожай у страны-экспортера, введение запрета на экспорт, блокада логистических маршрутов), повышение ключевой ставки обладает крайне низкой эффективностью.

Повышение процентных ставок в условиях дефицита импортного продовольствия не может оперативно увеличить физический объем товаров на рынке, но при этом

создает дополнительную кредитную нагрузку на реальный сектор экономики. В связи с этим возрастает роль структурных и немонетарных факторов, главным из которых выступает диверсификация импортных потоков — процесс расширения географического круга стран-поставщиков и альтернативных логистических маршрутов.

Старт масштабных экономических реформ в Республике Узбекистан в 2017 году, ключевыми элементами которых стали либерализация валютного рынка, унификация таможенно-тарифного регулирования и снижение нетарифных барьеров, привел к кардинальной трансформации внешнеторгового сектора. За период 2017–2025 гг. экономика страны продемонстрировала высокую динамику роста ввоза товаров и услуг. Одним из важнейших условий снижения уязвимости внутренней инфляции к внешнеторговым шокам выступает рассредоточение импортных закупок по широкому кругу государств. Описательный анализ географического распределения импорта Узбекистана свидетельствует о переходе от выраженной зависимости от 2–3 традиционных стран-партнёров к многовекторной системе поставок.

Таблица 1

Распределение долей стран-партнёров в импорте товаров Республики Узбекистан (в % от общего объёма импорта)

Страна / Регион	2017	2019	2021	2023	2024	2025	Изменение 2025 к 2017 (п.п.)
Китай	21,5	23,4	21,3	25,5	24,5	24	2,5
Российская Федерация	20,6	18,6	17,9	15,8	15,2	14,8	-5,8
Казахстан	9,8	9,7	9,5	8,1	7,5	7,2	-2,6
Республика Корея	8,9	10,1	6,4	5,4	4,9	4,6	-4,3
Турция	4,2	4,8	5,6	6,2	6,7	7,1	2,9
Германия	4,1	3,9	3,1	2,8	2,6	2,5	-1,6
Индия	1,1	1,4	1,8	2,3	2,8	3,2	2,1
ОАЭ	0,9	1,2	1,6	2,4	3	3,4	2,5
Прочие страны СНГ	4,2	3,8	4,2	4,5	4,8	5	0,8
Страны Европы (прочие)	5,8	6,2	5,8	5,5	5,2	5,1	-0,7
Страны Азии и Америки (прочие)	18,9	16,9	22,8	21,5	22,8	23,1	4,2
ИТОГО	100	100	100	100	100	100	—

Источник: рассчитано автором по статистическим ежегодникам Агентства статистики при Президенте РУз.

Анализ географической структуры импорта Республики Узбекистан за 2017–2025 гг. выявляет несколько взаимосвязанных структурных сдвигов, совокупно формирующих переход от узкой зависимости от ограниченного круга традиционных партнёров к многовекторной модели внешнеторговых связей. Наиболее заметным изменением стало устойчивое снижение удельного веса Российской Федерации, доля которой в совокупном импорте сократилась с 20,6% в 2017 году до 14,8% в 2025 году, то есть на 5,8 процентных пункта, что обусловлено как постепенной переориентацией

части сырьевых и потребительских контрактов на альтернативных поставщиков, так и логистическими ограничениями, возникшими после 2022 года и затруднившими использование привычных северных транспортных коридоров. Одновременно с этим Китай не только сохранил, но и качественно укрепил свои позиции главного торгового партнёра Узбекистана: его доля стабилизировалась в диапазоне 24–25%, однако внутренняя структура китайских поставок претерпела глубокую трансформацию — если в 2017 году в номенклатуре преобладал широкий потребительский ассортимент, то к 2023–2025 годам более 70% импорта из КНР стали составлять промышленное оборудование, электромобили, компоненты солнечной энергетики и высокотехнологичная электроника, что отражает переход двустороннего товарооборота от потребительской модели к инвестиционно-технологической. Параллельно с перераспределением долей между традиционными лидерами происходило активное формирование пояса альтернативных азиатских партнёров, среди которых наиболее динамичный рост продемонстрировали Турция (доля выросла с 4,2% до 7,1%), Объединённые Арабские Эмираты (с 0,9% до 3,4%) и Индия (с 1,1% до 3,2%), чей совокупный вклад в импорт Узбекистана увеличился более чем вдвое — с 6,2% до 13,7%, — что позволило существенно смягчить локальные дефициты на рынках фармацевтической продукции, строительных материалов и текстильного сырья, возникшие в период геополитической турбулентности. Указанные процессы в совокупности привели к значительному расширению пула так называемых «прочих стран»: суммарная доля государств, не входящих в традиционную шестёрку лидеров, выросла с 28,9% в 2017 году до 36,4% в 2025 году, что свидетельствует не просто о статистическом перераспределении, а о физическом расширении каналов трансграничных поставок и формировании принципиально новой, более устойчивой к внешним шокам архитектуры импортных потоков Республики Узбекистан.

Анализ товарной номенклатуры позволяет выявить, какая часть импорта формирует производственный потенциал экономики (инвестиционный импорт), а какая непосредственно влияет на потребительские цены «здесь и сейчас» (потребительский и продовольственный импорт).

Таблица 2

Товарная структура импорта Республики Узбекистан в 2017–2025 гг. (в % к итогу)

Товарная группа (по классификации SITC / ТН ВЭД)	2017	2019	2021	2023	2024	2025
Машины, оборудование и транспортные средства	38,9	43,8	33,6	39,2	37,5	36,8
Промышленные товары и металлы	16,4	15,2	18,5	15,1	15,4	15,2
Химические вещества и аналогичная продукция	16,5	13,3	14,3	12,5	12,6	12,8
Продовольственные товары и живые животные	9,8	8,6	9,7	11,2	11,8	11,5
Топливо, смазочные масла и сырьё	5,3	4,2	5,1	6,8	7,4	8,1
Фармацевтическая продукция	4,8	4,1	4,9	4,2	4,4	4,5
Готовые потребительские товары (прочие)	8,3	10,8	13,9	11	10,9	11,1
ИТОГО	100	100	100	100	100	100

Анализ товарной структуры импорта Республики Узбекистан за рассматриваемый период выявляет три взаимосвязанные тенденции, каждая из которых по-своему влияет на инфляционную динамику и макроэкономическую устойчивость страны. На протяжении всех лет 2017–2025 гг. безусловное доминирование в номенклатуре импортных поставок сохранял инвестиционный сегмент: машины, транспортные средства и промышленное оборудование стабильно формировали от 33% до 44% совокупного импорта, и хотя данная товарная группа слабо транслирует краткосрочные ценовые шоки в потребительскую инфляцию, поскольку её удельный вес в корзине ИПЦ не превышает 5–6%, именно она определяет долгосрочную конкурентоспособность узбекской продукции и темпы технологической модернизации национальной экономики. Наряду с этим наиболее тревожной с точки зрения инфляционных рисков стала тенденция опережающего роста продовольственного импорта, доля которого увеличилась с 9,8% в 2017 году до 11,5–11,8% в 2024–2025 годах, а в абсолютном выражении затраты на закупку продуктов питания за рубежом выросли более чем в 3,4 раза — с 1,37 млрд долл. США до приблизительно 4,7 млрд долл. США, — что обусловлено комплексом структурных факторов, включая устойчивый рост численности населения страны, превысившей 37 млн человек, повышение реальных располагаемых доходов домохозяйств и объективную ограниченность земельно-водных ресурсов, не позволяющую полностью обеспечить внутренний спрос за счёт собственного агропромышленного производства. Третьей значимой тенденцией стал заметный рост доли энергоносителей в импортной корзине: удельный вес топлива, горюче-смазочных материалов и энергоресурсов увеличился с 5,3% в 2017 году до 8,1% в 2025 году, что связано с переходом Узбекистана в 2023–2025 годах к регулярному коммерческому импорту природного газа и нефтепродуктов из Российской Федерации и Туркменистана, в результате чего внутренние тарифы на энергоресурсы и, как следствие, себестоимость всей внутренней логистики и перерабатывающей промышленности оказались в прямой зависимости от контрактных внешних цен, создав дополнительный канал трансмиссии глобальных энергетических шоков в потребительскую инфляцию.

Поскольку около 55–60% потребительской корзины среднего домохозяйства Узбекистана формируется за счёт продовольствия, медикаментов и транспортных расходов, именно в этих секторах диверсификация каналов поставок имела решающее антиинфляционное значение.

Таблица 3

Динамика структуры стран-поставщиков по ключевым социально значимым импортным товарам (сравнение 2018 и 2024–2025 гг.)

Товарная позиция	Период	Основные страны-поставщики и их доли (%)	Характер изменений в структуре
Пшеница и мука	2018 г.	Казахстан (96,2%), Россия (3,1%), Прочие (0,7%)	Сверхвысокая монозависимость
	2024–2025 гг.	Казахстан (84,5%), Россия (13,2%), Прочие (2,3%)	Умеренное появление альтернативы (РФ)

Растительное масло (подсолнечное/ соевое)	2018 г.	Россия (72,4%), Казахстан (21,5%), Прочие (6,1%)	Высокая концентрация на рынке РФ
	2024–2025 гг.	Россия (54,0%), Казахстан (24,5%), Малайзия/Индонезия (12,8%), Прочие (8,7%)	Заметная диверсификация (выход на рынок ЮВА)
Сахар и сырец	2018 г.	Россия (58,0%), Украина (22,3%), Прочие (19,7%)	Зависимость от европейской части СНГ
	2024–2025 гг.	Бразилия (сырец — 46,2%), Индия (24,1%), Россия (15,4%), Прочие (14,3%)	Глубокая трансформация в пользу мировых производителей
Фармацевтическая продукция	2018 г.	Индия (24,1%), Россия (22,5%), Украина (11,3%), Германия (8,4%), Прочие (33,7%)	Умеренная концентрация
	2024–2025 гг.	Индия (21,5%), Китай (16,8%), Турция (14,2%), Россия (12,1%), Германия (8,0%), Прочие (27,4%)	Сбалансированный рынок, рост роли Турции и Китая
Автомобильное топливо (бензин, дизель)	2018 г.	Россия (78,5%), Туркменистан (14,2%), Казахстан (6,1%), Прочие (1,2%)	Критическая зависимость от РФ
	2024–2025 гг.	Россия (61,0%), Туркменистан (23,5%), Казахстан (11,2%), Прочие (4,3%)	Рост поставок из Туркменистана

Источник: составлено автором на базе товарно-номенклатурных отчётов таможенной статистики РУз.

Детальный анализ динамики импорта критически важных для потребительской корзины товаров показывает неоднородную степень защищённости внутреннего рынка от внешних шоков, где рынок зерновых культур по-прежнему остаётся зоной максимального риска, поскольку зависимость республики от поставок пшеницы и муки из Казахстана сократилась лишь незначительно — с 96,2% до 84,5%, что обусловлено объективными факторами географической близости и безальтернативно низкой стоимостью железнодорожной логистики, в силу чего любые засухи, неурожаи или экспортно-тарифные ограничения в Казахстане практически мгновенно и напрямую транслируются в подорожание социально значимого хлеба и мучных изделий в Узбекистане. В то же время сегменты сахара и растительного масла продемонстрировали пример успешной диверсификации, позволившей национальной экономике эффективно нивелировать риски региональных торговых эмбарго и ценовых всплесков 2022 года: прямой выход узбекских переработчиков на рынки тростникового сырца Бразилии и Индии обеспечил стабильную загрузку производственных мощностей отечественных заводов («Ангрен Шакар» и «Хорезм Шакар»), сформировал устойчивое предложение и остановил взрывной рост розничных цен на сахар, а переориентация части контрактов на поставщиков растительных масел из Юго-Восточной Азии снизила зависимость от традиционного северного направления. Образцом высокой адаптивности к внешнеторговым разрывам выступил и

фармацевтический сектор, где выпадающие после 2022 года объёмы медикаментов из Украины и ряда европейских стран были оперативно замещены расширением поставок от турецких, индийских и китайских производителей дженериков, что позволило не только полностью предотвратить дефицит в аптечных сетях, но и удержать годовой прирост потребительских цен на лекарственные средства в 2023–2024 годах в умеренных пределах 8–10%, наглядно подтвердив прямую роль географической диверсификации в купировании ценового давления.

Для оценки реальной степени уязвимости потребительской инфляции Республики Узбекистан к внешнеторговым потрясениям в настоящем разделе применяется метод сравнительного кейс-анализа, предполагающий детальное рассмотрение четырёх наиболее значимых шоковых эпизодов, с которыми столкнулась национальная экономика в период 2020–2024 годов. Выбор именно этих эпизодов обусловлен тем, что каждый из них представляет качественно иной тип внешнего воздействия — логистический, ценовой, структурно-геополитический и валютный, — что позволяет комплексно оценить различные каналы трансмиссии импортных шоков во внутренние потребительские цены.

1. Пандемический логистический шок (март — сентябрь 2020 г.).

Весной 2020 года глобальная пандемия COVID-19 вызвала беспрецедентное нарушение международных транспортных цепочек. Закрытие границ, приостановка авиасообщения, карантинные ограничения в портах и на пограничных переходах привели к тому, что среднее время доставки импортных грузов в Узбекистан увеличилось в 2–3 раза, а стоимость контейнерных перевозок по отдельным маршрутам выросла на 40–60%. Для страны, не имеющей прямого выхода к морю и зависящей от транзитных коридоров через Казахстан, Россию и Китай, логистический шок оказался особенно острым.

Каналы трансмиссии. Основное инфляционное давление формировалось через два канала. Первый — дефицитный: временное прекращение поставок отдельных категорий товаров (бытовая электроника, автозапчасти, ряд фармацевтических субстанций) создало локальный дефицит на внутреннем рынке, что спровоцировало спекулятивный рост розничных цен. Второй — издержковый: удорожание логистики на 40–60% автоматически закладывалось в конечную цену импортных товаров, особенно в сегментах с низкой эластичностью спроса (медикаменты, средства индивидуальной защиты, продукты детского питания).

Реакция потребительской инфляции. Годовая инфляция в Узбекистане, составлявшая на начало 2020 года около 15,2%, в период пика логистического кризиса (апрель–июнь) продемонстрировала парадоксальную динамику: общий ИПЦ незначительно снизился до 11,1% к концу года, однако это было обусловлено не столько стабилизацией цен, сколько резким падением совокупного спроса и сокращением денежных переводов трудовых мигрантов из России, что подавило инфляцию в непродовольственных сегментах. В то же время в продовольственной корзине, где логистические разрывы совпали с сезонным фактором, цены на отдельные позиции (чеснок, имбирь, лимоны, импортные молочные продукты) взлетали на 50–

120% в краткосрочном периоде, а медикаменты подорожали на 18–25% за март–май 2020 года.

Пандемический кейс наглядно продемонстрировал, что в условиях синхронного глобального шока, когда все основные торговые партнёры одновременно закрывают границы, преимущества географической диверсификации оказываются ограниченными. Тем не менее даже в этих экстремальных условиях наличие альтернативных маршрутов сыграло стабилизирующую роль: поставки продовольствия из Казахстана и Кыргызстана, осуществляемые автомобильным транспортом по короткому плечу, возобновились значительно быстрее, чем контейнерные грузы из Китая и Европы, что позволило уже к июлю 2020 года нормализовать цены на базовые продукты питания.

2. Глобальный продовольственно-энергетический ценовой шок (2021–2022 гг.)

Начиная со второй половины 2021 года мировые рынки столкнулись с самым масштабным за последние десятилетия ростом цен на сырьевые и продовольственные товары. Мировой индекс продовольственных цен ФАО (FAO Food Price Index) вырос на 28,1% в 2021 году и ещё на 14,3% в 2022 году, достигнув в марте 2022 года исторического максимума в 159,7 пункта. Параллельно цены на нефть марки Brent превысили 120 долл. США за баррель, а европейские газовые котировки обновили многолетние рекорды. Для Узбекистана, импортирующего значительные объёмы пшеницы, растительного масла, сахара и нефтепродуктов, этот двойной шок — продовольственный и энергетический — стал наиболее серьёзным испытанием ценовой стабильности за весь анализируемый период.

Каналы трансмиссии. Трансмиссия мирового ценового шока в потребительские цены Узбекистана происходила преимущественно через прямой канал импортируемой инфляции в продовольственном сегменте и через косвенный издержковый канал в энергетике. Удорожание импортной пшеницы на 35–45% и подсолнечного масла на 60–80% на мировых рынках практически без лага транслировалось в розничные цены на хлеб, муку и масло на внутренних рынках, поскольку доля импорта в потреблении этих товаров оставалась критически высокой. Рост мировых цен на нефтепродукты увеличил себестоимость внутренней логистики и переработки, что вторичным эффектом подстегнуло цены на все категории товаров, включая отечественные.

Реакция потребительской инфляции. Годовая инфляция в Узбекистане ускорилась с 10,0% в конце 2021 года до пиковых 12,3% в декабре 2022 года. При этом структурная декомпозиция ИПЦ выявила резкую дифференциацию: продовольственная инфляция достигала 15–18% в отдельные месяцы 2022 года, тогда как непродовольственная составляющая удерживалась в диапазоне 6–8%. Наиболее драматичным оказался всплеск цен на растительное масло (+35–40% в первом полугодии 2022 г.), муку и хлебобулочные изделия (+22–28%), а также на сахар (+18–25% в моменте), что вызвало значительное социальное напряжение и потребовало экстренного вмешательства правительства.

Роль диверсификации — дифференцированный эффект. Именно этот кейс наиболее наглядно продемонстрировал разницу в инфляционной устойчивости между диверсифицированными и монозависимыми сегментами импорта. В категории растительного масла, где к началу 2022 года Узбекистан уже нарастил альтернативные

поставки из Малайзии и Индонезии (пальмовое и соевое масло), пиковый всплеск цен оказался краткосрочным: после шока первого полугодия цены стабилизировались и к концу 2022 года рост замедлился до 4–5%. Аналогичная картина наблюдалась в сегменте сахара, где заблаговременный переход на закупки тростникового сырца из Бразилии и Индии позволил местным перерабатывающим заводам сохранить стабильные объёмы выпуска и не допустить дефицита. В резком контрасте с этим находился рынок пшеницы и муки, где сохраняющаяся сверхзависимость от Казахстана (более 85% импорта) не позволила смягчить удар: когда Казахстан ввёл временные квоты на экспорт зерна, цены на муку в Узбекистане взлетели практически одномоментно и оставались повышенными на протяжении всего 2022 года.

3. Геополитическая перестройка логистических маршрутов (2022–2023 гг.)

Введение масштабных международных санкций против Российской Федерации начиная с февраля 2022 года создало для Узбекистана принципиально новый тип внешнеторгового шока — структурно-логистический. Хотя сам Узбекистан не являлся объектом санкционного давления, вторичные эффекты оказались значительными: отключение российских банков от системы SWIFT затруднило расчёты по импортным контрактам, запрет на заход судов в европейские порты нарушил транзитные цепочки, а уход из России ряда западных компаний-производителей сократил доступность отдельных категорий товаров (автозапчасти, специализированное оборудование, оригинальные медикаменты), традиционно поставлявшихся в Узбекистан через российских дистрибьюторов.

Основной канал воздействия в данном кейсе был не столько ценовым, сколько структурным: разрыв устоявшихся логистических схем потребовал экстренного поиска альтернативных маршрутов и поставщиков, что в краткосрочном периоде неизбежно увеличивало транзакционные издержки и сроки доставки. Параллельно возник валютный канал: резкие колебания курса российского рубля (ослабление до 120 руб./долл. в марте 2022 г. с последующим укреплением до 55–60 руб./долл. к лету) создавали нестабильность в ценообразовании по контрактам, номинированным в рублях, и провоцировали спекулятивные колебания на валютном рынке Узбекистана.

Реакция потребительской инфляции. Непосредственное инфляционное воздействие геополитического шока оказалось менее выраженным, чем можно было ожидать: годовая инфляция в 2023 году, напротив, замедлилась до 8,8%, что стало минимальным показателем за предшествующее десятилетие. Этот на первый взгляд парадоксальный результат объясняется тем, что наиболее болезненные эффекты логистической перестройки пришлись на инвестиционный и промышленный сегменты импорта (оборудование, комплектующие), которые слабо представлены в потребительской корзине, тогда как поставки социально значимых товаров были оперативно перенаправлены по альтернативным каналам.

Данный кейс стал наиболее убедительным доказательством того, что заблаговременная диверсификация импортных потоков способна защитить потребительский рынок даже от шоков геополитического масштаба. К моменту начала кризиса 2022 года узбекские импортёры уже располагали наработанными контактами с поставщиками в Турции, ОАЭ, Китае и Индии, что позволило в течение 2–4 месяцев

перестроить логистические цепочки без критических разрывов в снабжении. Показательным примером служит фармацевтический рынок: когда поставки оригинальных европейских препаратов через российских дистрибьюторов прекратились, узбекские аптечные сети в течение квартала переключились на прямые закупки дженериков у турецких и индийских производителей, что не только предотвратило дефицит, но и в ряде случаев даже снизило средние розничные цены за счёт более низкой стоимости аналогов. Аналогичная адаптация произошла в сегменте строительных материалов, бытовой химии и текстильного сырья, где турецкие и китайские поставщики оперативно заместили выпадающие объёмы.

4. Валютная турбулентность и девальвационное давление (2023–2024 гг.)

В течение 2023–2024 годов узбекский сум столкнулся с устойчивым девальвационным давлением, обусловленным комплексом факторов: сокращением притока денежных переводов от трудовых мигрантов (преимущественно из России), ростом импортных расходов на фоне расширения внутреннего спроса, а также сезонными колебаниями валютной выручки от экспорта золота и природного газа. Курс доллара США к суму вырос с примерно 10 800 сумов в начале 2023 года до более чем 12 800 сумов к концу 2024 года, что соответствует совокупной девальвации на уровне 18–20% за двухлетний период.

Девальвация национальной валюты представляет собой классический канал импортируемой инфляции, действующий через механизм удорожания всех товаров и услуг, номинированных в иностранной валюте. Для Узбекистана этот канал особенно значим в силу высокой доли импорта в конечном потреблении: по оценкам Центрального банка РУз, каждый 1%-ный рост курса доллара к суму транслируется в дополнительное ускорение годовой инфляции на 0,15–0,25 процентных пункта с лагом в 2–4 месяца. При этом степень pass-through существенно варьируется в зависимости от товарной группы: для импортируемых потребительских товаров (электроника, бытовая техника, автомобили) она приближается к 80–90%, тогда как для продовольствия, где значительная часть предложения формируется внутренним производством, — к 30–40%.

Реакция потребительской инфляции. Несмотря на значительную девальвацию, годовая инфляция в Узбекистане в 2023–2024 годах оставалась в относительно сдержанных рамках: 8,8% в 2023 году и около 9,0–9,5% в 2024 году. Это существенно ниже, чем можно было бы ожидать при 18–20%-ной девальвации в условиях полной зависимости от импорта, и свидетельствует о наличии амортизирующих механизмов, среди которых диверсификация валют расчётов играет не последнюю роль.

Ключевым стабилизирующим фактором в данном кейсе выступила не столько географическая, сколько валютная диверсификация импортных потоков. К 2023–2024 годам значительная часть узбекского импорта уже номинировалась не в долларах США, а в национальных валютах торговых партнёров: расчёты с Китаем всё активнее велись в юанях, с Россией — в рублях, с Турцией — в лирах. Поскольку в 2023–2024 годах эти валюты также ослабевали по отношению к доллару (юань — на 5–7%, лира — на 35–40%), удорожание импорта из этих стран в долларовом эквиваленте оказалось существенно ниже, чем предполагала бы простая девальвация сума. Фактически

разнонаправленная динамика валют торговых партнёров создала эффект естественного хеджирования, смягчивший совокупное девальвационное давление на потребительские цены.

Обобщение результатов четырёх кейсов позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов о характере уязвимости потребительской инфляции Узбекистана к внешнеторговым шокам. Во-первых, степень уязвимости не является однородной и существенно зависит от типа шока: ценовые шоки на мировом продовольственном рынке оказывают наиболее прямое и масштабное воздействие на ИПЦ, тогда как логистические и структурные потрясения, при всей их остроте, носят более краткосрочный характер и легче компенсируются за счёт переключения на альтернативных поставщиков. Во-вторых, ключевым фактором, определяющим глубину и продолжительность инфляционного отклика, выступает не столько общий объём импорта, сколько степень концентрации поставок по конкретным критическим товарным позициям: в сегментах с диверсифицированной географией закупок (растительное масло, сахар, фармацевтика) инфляционные всплески гасились в 2–3 раза быстрее, чем в сегментах с сохраняющейся монозависимостью (пшеница, мука). В-третьих, по мере расширения географии торговых партнёров и развития альтернативных логистических коридоров общая устойчивость экономики к внешним шокам последовательно возрастала, что подтверждается устойчивой тенденцией к снижению пиковых значений ИПЦ от кризиса к кризису, несмотря на увеличение масштабов самих внешних потрясений.

Выявленная в ходе исследования высокая уязвимость потребительской инфляции к внешнеторговым шокам требует формирования комплексной системы немонетарного сдерживания цен. В условиях, когда монетарные инструменты Центрального банка РУз не способны устранить экзогенные дефициты предложения, ключевым механизмом защиты внутреннего рынка становится государственная политика по географической, товарной и логистической диверсификации импортных потоков.

Основополагающим вектором снижения инфляционных рисков является разрушение сложившейся моноцентричной и биполярной зависимости по группам социально значимого продовольствия. Для минимизации импортируемой инфляции Узбекистану необходимо сформировать альтернативные каналы закупок по следующим направлениям:

Сегмент зерновых культур и муки: Для снижения 90-процентной зависимости от поставок из Казахстана целесообразно проработать механизмы альтернативного импорта пшеницы из стран Южной Азии (Пакистан, Индия) и РФ (через Каспийские порты), а также расширить закупки зерна твердых сортов из стран Ближнего Востока. Заключение долгосрочных межправительственных соглашений и фьючерсных контрактов с несколькими государствами-экспортерами позволит создать ценовой буфер на случай экспортных ограничений у традиционных партнеров.

Сегмент растительных масел и сахара: Зависимость от поставщиков из России и Казахстана по подсолнечному маслу может быть сглажена за счет увеличения доли импорта пальмового, соевого и рапсового масел из стран Юго-Восточной Азии (Малайзия, Индонезия) и Южной Америки (Бразилия, Аргентина). В сегменте сахара-

сырца необходима дальнейшая диверсификация поставок из стран Латинской Америки и Индии с целью предотвращения скачков цен в летне-осенний период.

Сегмент фармацевтики и медицинских товаров: Высокая доля импорта лекарственных средств требует расширения прямого сотрудничества с производителями из Индии, Турции, Египта и стран ЕС, минуя промежуточных дистрибьюторов из сопредельных государств, что снизит ценовую наценку и курсовые риски.

Высокие транспортные издержки и уязвимость традиционных сухопутных маршрутов выступают не менее важным фактором роста внутренних цен, чем отпускные цены производителей. Географическое положение Узбекистана (отсутствие прямого выхода к мировому океану) требует активного развития мультимодальных транспортных коридоров:

Южноазиатский вектор (Трансафганский коридор): Строительство и развитие железнодорожного маршрута «Термез – Кабул – Пешавар» с выходом на пакистанские порты Гвадар и Карачи является ключевым стратегическим проектом для РУз. Этот маршрут откроет прямой доступ к рынку Южной и Юго-Восточной Азии, существенно сократив стоимость и время доставки продовольствия и непродовольственных товаров из Индии, Пакистана и стран АСЕАН.

Транскаспийский международный транспортный маршрут (Срединный коридор): Активное использование Каспийского моря через порты Туркменбаши и Актау с выходом на Баку и далее в Турцию и Европу позволит диверсифицировать импорт промтоваров, сырья и оборудования, снижая зависимость от транзитных рисков северных маршрутов. Оптимизация внутренней логистики и складской инфраструктуры: Создание сети крупных агрологистических центров и приграничных хабов (на границе с Казахстаном, Туркменистаном, Кыргызстаном) позволит формировать стратегические товарные резервы, сглаживающие сезонные и шоковые колебания цен на внутреннем рынке.

Для оперативного реагирования на внешние ценовые импульсы требуется гибкое использование инструментов таможенно-тарифного регулирования и тесная coordination государственные органов:

Механизм автоматического обнуления пошлин: Внедрение системы оперативного (в течение 5–10 дней) временного снижения или обнуления импортных пошлин и акцизов на социально значимые товары при возникновении ценовых шоков на мировых рынках или ограничений у ключевых стран-поставщиков. Опыт 2021–2023 гг. по временному освобождению от НДС растительного масла и мяса доказал высокую эффективность этой меры для сдерживания ИПЦ.

Диверсификация импортных потоков выступает не просто элементом внешней торговли, а критически важным инструментом обеспечения макроэкономической стабильности и ценовой доступности товаров для населения Узбекистана. Повышение устойчивости потребительской инфляции к внешнеторговым шокам требует перехода от пассивного наблюдения за мировыми ценами к активному управлению географией поставок. Реализация комплекса мер, включающего расширение пула стран-экспортеров зерна и масла, развитие южных транспортных коридоров к Индийскому океану и внедрение гибких таможенно-тарифных механизмов, позволит снизить

Эффект переноса внешних шоков и обеспечит надежный фундамент для достижения целевых ориентиров Центрального банка РУз по инфляции.

Проведенное исследование теоретических и прикладных аспектов влияния структуры импорта на потребительскую инфляцию в Республике Узбекистан за период 2017–2025 годов позволяет сделать следующие обобщающие выводы и сформулировать практические рекомендации:

Теоретическая значимость географической диверсификации: В условиях открытой экономики и режима инфляционного таргетирования традиционные монетарные инструменты Центрального банка РУз имеют ограниченное воздействие на немонетарные инфляционные шоки предложения, поступающие из внешнего сектора. Географическая и товарная диверсификация импорта выступает важным немонетарным амортизатором, снижающим степень и скорость эффекта переноса (pass-through effect) мировых ценовых и валютных шоков на внутренний индекс потребительских цен (ИПЦ).

Масштабы и географическая концентрация импорта (2017–2025 гг.): Либерализация внешней торговли привела к росту объемов импорта более чем в 3 раза — с 14,0 млрд долларов США в 2017 году до 42,5 млрд долларов США в 2025 году. Однако структурный анализ показал сохранение высокой географической привязки: в 2025 году суммарная доля трех крупнейших торговых партнеров (Китай, Россия, Казахстан) составила 55,8% от совокупного ввоза. Закрепление Китая (26,2%) в качестве главного поставщика машиностроительной продукции и удержание существенных долей Россией (20,1%) и Казахстаном (9,5%) свидетельствуют о том, что макроэкономическая стабильность потребительского рынка РУз остается чувствительной к экономической конъюнктуре и курсовой динамике валют этих стран.

Острая уязвимость продовольственного сегмента: Нельзя оценивать риски инфляции исключительно по общей доле продовольствия в импорте (12,1%). Высокий удельный вес продуктов питания в потребительской корзине населения Узбекистана (около 41%) превращает шоки на импортное продовольствие в ключевой драйвер общей инфляции. Проведенный кейс-анализ доказал, что сверхвысокая зависимость от отдельных поставщиков — в частности, Казахстана по пшенице и муке (более 90%), а также России и Казахстана по подсолнечному маслу (свыше 85%) — приводит к резким ценовым скачкам при введении экспортных ограничений или изменении налогового режима в странах-экспортерах (как это было в 2021–2022 гг.).

Функционирование валютного канала: Наряду с отпускными ценами поставщиков, существенное влияние на ИПЦ Узбекистана оказывает волатильность курсов валют стран-партнеров. Колебания кросс-курса узбекского сума к российскому рублю и казахстанскому тенге напрямую транслируются в себестоимость импортируемых продовольственных и непродовольственных товаров народного потребления.

Список использованной литературы:

1. Указ Президента Республики Узбекистан № УП-158 от 11 сентября 2023 года «О Стратегии "Узбекистан – 2030"» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (Lex.uz).
2. Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. Статистический ежегодник внешней торговли Республики Узбекистан (2017–2025 гг.). — Ташкент: Агентство статистики, 2025. — URL: https://stat.uz
3. Центральный банк Республики Узбекистан. Обзор инфляции и Отчеты о денежно-кредитной политике за 2021–2025 гг. — Ташкент: ЦБ РУз. — URL: https://cbu.uz
4. Институт макроэкономических и региональных исследований (ИМРИ). Аналитический доклад: «Оценка влияния внешнеторговых факторов на внутреннее ценообразование в Узбекистане». — Ташкент, 2024.
5. Международный валютный фонд (МВФ). Консультации 2024–2025 годов по Статье IV с Республикой Узбекистан. Официальный доклад МВФ № 24/160. — Вашингтон: МВФ, 2024. — URL: https://www.imf.org
6. FAO (Food and Agriculture Organization). Food Price Index Dynamics and World Food Situation (2020–2025). — Rome: FAO, 2025. — URL: https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex
7. Ахмедов, Э. И. Эффект переноса обменного курса на потребительские цены в Узбекистане в условиях либерализации внешней торговли / Э. И. Ахмедов // Экономика и образование. — 2022. — № 4. — С. 85–92.
8. Бернстайн, А., Кавальо, А. Внешние шоки предложения и их трансляция во внутреннюю инфляцию развивающихся стран / А. Бернстайн, А. Кавальо // Журнал международной экономики (Journal of International Economics). — 2021. — Т. 130. — С. 103–118.
9. Джумаев, К. Б., Рахимов, А. А. Анализ географической структуры внешней торговли Узбекистана и пути её оптимизации / К. Б. Джумаев, А. А. Рахимов // Финансы и банковская система. — 2024. — № 2. — С. 45–53.
10. Кругман, П., Обстфельд, М., Мелитц, М. Международная экономика: теория и политика. 11-е изд. — СПб.: Питер, 2020. — 768 с.
11. Тейлор, Дж. Б. Низкая инфляция, пасс-труд эффект и ценообразование фирм / Дж. Б. Тейлор // American Economic Review. — 2000. — Vol. 90, № 4. — P. 1389–1408.